

Светлана ТЮРЯЕВА

Родилась и живёт в г. Петушки Владимирской области. По профессии – инженер-технолог хлебопекарного, кондитерского и макаронного производств.

Автор семи поэтических сборников и трех детских книг (рассказы, сказки). Публиковалась в журналах «Берега», «Московский базар», «Клязьма», литературно-краеведческом сборнике «Владимир», поэтическом альманахе «45-я параллель», в международном поэтическом альманахе «Артелен», в сборниках патриотической поэзии «Оберег», «Язык победы» (Владимирское отделение СПР). Дипломант и призёр нескольких литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Солнечным светом был залит весь двор. Пoblёскивала вода в огородных ёмкостях, отливая то бирюзой, то перламутром, изумрудным цветом сияла трава вдоль тропинки, искрилась и сама тропинка, а цветы... Цветов было столько, что глазу не объять, и среди них – такие диковинные, которые отродясь не росли в этих краях. Навстречу Валентине от калитки, в окружении трёх сизарей, двигалась мужская фигура. Птицы влетели в дом, а подошедший ближе длинноволосый и бородастый мужчина, как ни странно, вызвал не страх, а волнующее чувство ожидания радости. Его завораживающий взгляд, и глаза василькового цвета, и улыбка... пронизывали до сердца. Не веря своим догадкам и едва сдерживая волнение – уж больно худой и обросший – Валентина перевела взгляд на правый висок гостя – там, красной каплей завершая бровь, ясно выделялось родимое пятно.

– Ванюшка!.. – радость заполнила сердце, подкатила к горлу, и мать бросилась на плечи сыну.

Но истошный звонок в дверь закрыл картинку, прервал сон. Часы показывали одиннадцать утра. «Заспалась я, – буркнула Валентина, – немудрено, сон-то какой сладкий, просыпаться не хочется», – и глянула в окно. В реальном мире неизвестная женщина у калитки усиленно жала на кнопку звонка.

– Иду, иду... что за срочность?

– Заказное вам, с уведомлением...

Благовещенья Валентина ждала с нетерпением. Нечасто посещала она церковные службы, но в этот праздник ходила обязательно. Благая весть сейчас ей была до боли необходима. Сын, Ваня, уже семь месяцев там, откуда приходят матерям страшные вести, в зоне боевых действий.

Вот и от него, родного, любимого, последние два месяца нет ни слуху ни духу. Всей семьёй пытались наводить справки, и в разные инстанции обращались, и через друзей, через родных и знакомых. Писали даже в те места, откуда муж родом, дальней родне – авось помогут. Но тщетно. Один ответ – без вести пропавший! Сколько дум надумала мать за это время, сколько себе насочиняла.

Отправилась она с этой болью в храм. Отстояла службу, поставила свечи, приложилась ко кресту в руках священника и подошла к той самой иконе, что манила её в ночных сновидениях, – «Нечаянная радость». Молилась и просила послать сыну помощь в тяжких испытаниях, просила и молилась, вытирая уголком платка накотившиеся слёзы. А когда выходила из храма, то прямо перед ней, на ступеньку присели три сизых голубя. «Хороший знак! – подумала Валентина. – Придёт в наш дом добрая весточка», – и радостная поспешила восвояси.

А сейчас, разбуженная после ночной смены, ещё под впечатлением от сна, полная надежды и тревоги, забыв, что на улице апрель, талый снег и лужи, выскочила она, наскоро обутая и прикрытая шалью, за весточкой, которую ждала с нетерпением долгие два месяца.

* * *

Полина не спеша возвращалась домой. Букетик тюльпанов и коробочка конфет, оставленные на её рабочем столе к празднику, не могли развеять чувство тяжести, поселившееся в душе.

Международный женский день в этом году для работников госпиталя выдался слишком беспокойным – поступила большая партия раненых. Суэта медперсонала, врачебные осмотры, операции, кровоточащие раны, искажённые болью лица... Одно из них – поступившего без сознания солдата – постоянно стояло перед глазами. Чем этот солдатик так притягивал к себе её душу, Полина не понимала, но что-то необъяснимо знакомое было в чертах его лица. Погруженная в свои мысли, она шла по сумеречному дворику ближе к дому, наблюдала за весёлыми ручьями, что сбегали прочь по руслу облысевшего асфальта, и тщетно ворошила память.

Операция прошла успешно, парня перевели в реанимацию, и теперь он оказался под контролем Полины, но оставался без сознания. Каждый раз, стоя возле кровати подопечного, она вглядывалась в его лицо, то рассматривала форму носа, то надбровные дуги, то форму губ. Но пока не сошли отёки и синяки, пока окончательно не зарубцевались швы, истинные черты увидеть было невозможно. А сердце тянуло к нему и тянуло. Документов у парня никаких. Те, с кем его доставили, уже ничего о нём не скажут. Неизвестный, безымянный, но чем-то очень близкий. Парень долгое время не приходил в себя. Полина не успокаивалась. Дома пересматривала старые фотографии, пытаясь вспомнить что-то из своего прошлого.

Смена у Полины заканчивалась, когда молоденькая санитарка Вика сообщила ей радостную весть:

– Пришёл в себя, твой солдатик, тётъ Поль! Я это, полы мою, глядь, а он глаза открыл и в потолок пялится. Я ему: привет! А он взгляд на меня перевёл и губами шевелит. Ну, я сразу к тебе.

Полина скоренько сообщила новость дежурному врачу, сорвалась с места и через пару минут уже стояла у кровати больного.

Парень перевёл взгляд на женщину, и словно два огонька василькового цвета стрельнули ей в самое сердце. Ах, этот взгляд, улыбка, до

боли знакомая улыбка... Сердце защемило – Виктор. Ну как же похож этот парень на Виктора, её первую, тайную любовь. Когда тот ушёл в армию, Полина не теряла надежды, мол, отслужит, вернётся, и всё у них получится. Долго сохла она по своей тайной любви, искала любой повод к матери Виктора заглянуть и как бы между прочим о нём разузнать. А он остался жить там, где служил. Писал, что женился, сынок, мол, растёт, дочка. Развела их судьба по разные стороны, разъехались по разным городам. У каждого своя судьба... Была семья и у Полины, только чувство этой первой несостоявшейся любви оставалось с ней на всю жизнь. Помнится, мать Виктора в последнюю их встречу фото внучка показывала. Мол, приметный он у нас – пятнышко, родимое у бровки, как капелька крови.

Полина внимательней оглядела правый висок. Думала: ещё след от гематомы не прошёл, ан нет – пятно родимое.

Подоспевший дежурный врач, проверив состояние больного, попытался его разговорить:

– Ну, герой, звать-то тебя как, помнишь?

Парень шевелил губами, но разобрать было сложно.

– Давай так, – сказала Полина, получив разрешение доктора, – я называю имя, а ты знаком покажешь, да или нет.

Парень одобрительно мигнул глазами.

– Иван? Викторович?

Все с удивлением поглядели на Полину, а та продолжила:

– Белов?

Парень медленно приподнял кисть правой руки и, сложив её в кулак, поднял вверх большой палец.

Трудно описать, какое смешение чувств происходило в тот момент в душе Полины, но одно из них – радость – явно взяло верх. Хотелось обнять этого парня, будто перед ней сам Виктор, выхлестнуть на него всю её давнюю несостоявшуюся любовь и не отпускать. Как не отпустила бы его отца, имея раньше такую возможность. Только это не Виктор, а самое дорогое, что у него есть.

– Знакомый? – врач обратился к Полине. – Адрес родных сможешь найти? Оповестить надо бы.

Весь вечер этого дня был занят воспоминаниями и поиском хоть каких-нибудь контактов из прошлой жизни. Валентина в очередной раз перебирала старые фото, только теперь с конкретной целью. Вот оно – маленькое чёрно-белое, когда-то украденное ею у сестры Виктора, а теперь убранный подальше с глаз. На нём молодая пара с годовалым ребёнком, а на обратной стороне надпись: «Виктор и Валентина с Ванюшкой», дата и адрес, приписанный рукой Полины. Мыслимо ли думать – четверть века прошло, что могло сохраниться? А вдруг? Ведь не зря именно её Господь сподобил узнать в раненом солдатике их сыночка?

– Отправлю туда, заказным! А если не проживают, то, может, новые жильцы весточку передать смогут? – решила она, – Главное, что сын Виктора жив!

Полина спешила на почту, неся в сумочке заветный конверт, молилась, чтоб адрес не оказался ошибочным, не переставала удивляться переплетению их с Виктором судеб.

И благая весть, отправленная на адрес Виктора и Валентины Беловых, полетела через полстраны к своим адресатам.